

ОБРЯДОВЫЕ ТРАДИЦИИ

ББК 63.529
УДК 392

ТРАДИЦИОННАЯ МЕДИЦИНА КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ¹

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА ВЛАСКИНА

(Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН:
Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41)

***Аннотация.** В историческом культурном наследии казаков-некрасовцев сфера народной медицины по ряду причин до сих пор остаётся недостаточно изученной, в связи с чем настоящая работа, подготовленная на основе анализа оригинального комплекса полевых и архивных источников, обладает несомненной новизной. В центре исследования — традиционные представления о болезни, лечебные практики, включающие как магические, так и эмпирические компоненты. Среди задач — общая характеристика и систематизация народно-медицинских знаний и приёмов. Рассматривая явления из области диагностики, мифологии болезни, а также те, которые связаны со способами избавления от недугов, удаётся проследить культурные связи некрасовцев с этническими и конфессиональными сообществами, составившими их окружение. Анализ лекарственных средств и стратегий лечения показал наличие своего рода «питательного субстрата» для развития инноваций и использования культурных заимствований. Это дало материал, в различной степени сопоставимый с данными по этнографии полиэтничного населения в широких географических границах — от южной России до Подунавья и Малой Азии. В приложении к статье публикуются тексты лечебных заговоров. Статья оперирует данными этнолингвистических экспедиций ИСЭГИ ЮНЦ РАН — ЮФУ (РГУ) и полевого архива Ф. В. Тумилевича.*

Ключевые слова: казаки-некрасовцы, традиционная культура, народная медицина, заговоры, практика целительства, лечебные средства, внешние культурные связи, архаика, инновации.

Казаки-некрасовцы — группа русских старообрядцев, согласно преданию, ведущих свою историю от участников Булавинского восстания 1708–1709 гг., которая имеет особый культурно-исторический статус в общественном сознании России, особенно в её южных регионах. В мире фольклористики устное народное творчество казаков-некрасовцев вызывает неу-

бывающий интерес, а формы социальной организации привлекают пристальное внимание этнологов и специалистов по ранней истории казачества. Вместе с тем, традиционная культура этого уникального сообщества изучена несколько однобоко: песенные жанры, сказка и исторический нарратив собраны очень хорошо и глубоко исследованы, в то время как

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ПФИ Президиума РАН 1.52 «Обеспечение устойчивого развития Юга России в условиях климатических, экологических и техногенных вызовов» (ГЗ ЮНЦ РАН на 2018 г., № гр. проекта АААА-А18-118011990322-1).

другие сферы традиции могли вообще не затрагиваться специалистами. Одной из таких не охваченных вниманием исследователей сфер историко-культурного наследия казаков-некрасовцев является традиционная медицина.

Избирательность исследовательских интересов хорошо иллюстрируют экспедиционные записи известного донского специалиста по фольклору казаков-некрасовцев Ф. В. Тумилевича. Не интересуясь специально народной медициной, как и многими другими текстами народной традиции, не относящимися к классическим и избранным жанрам, Фёдор Викторович фиксировал этот материал как часть репертуара исполнителя или деталь, характеризующую его личность. Так, например, работая с И. А. Петуховым 1882 г. р., действующим знахарем из смешанной дунацко-некрасовской старообрядческой общины в Дагестане, фольклорист записывает в свой полевой дневник несколько заговоров с контекстными комментариями и оценивает информанта как весьма интересную личность: «Любитель читать книжки про астрономию. Интересуется разного рода чудесами, сделал табуретку и гадал². Заговаривает от змеиною укуса, скотину от ран, червей. Живёт любопытный старик бородач. Нашёл по его словам 2 алмаза на Кавказе <...> Любит природу, наблюдает за звёздами. Любитель поговорить о вселенной³» [Кизляр — Некрасовка 1961: 33-34, 105]. Однако уже со следующей встречи он записывает от И. А. Петухова только песни. Данные, не связанные, как представлялось учёному, с генеральной линией его исследований, не публиковались, что понятно, поскольку содержание работ, вышедших при жизни Фёдора Викторовича, было жёстко определено в жанровом отношении. Гораздо труднее понять, почему «сопутствующий» материал не включался им в подборки фольклорных эталонов, достойных сохранения для будущих исследователей. Стоит ли за этим дисциплинарная

зашоренность — уверенность фольклориста-классика в невысокой значимости малых, молодых и гетерогенных жанров — или прагматическое желание советского исследователя представить «открытую» им народную культуру более цельно и выразительно без классово чуждых компонентов, трудно сказать определённо. Вместе с тем, можно надеяться, что детальный разбор полевых записей и черновиков Тумилевича обнаружит и другие крупницы того, что некогда так мало ценилось советской наукой. Пока же наиболее показательным источником по народной медицине казаков-некрасовцев остаются данные, собранные донскими этнолингвистами в 1999 — 2010 гг.

Материал, изложенный в настоящей статье, отличается новизной и продолжает серию публикаций по народной медицине, подготовленных на основе изучения полевых материалов объединённого архива этнолингвистических экспедиций ИСЭГИ ЮНЦ РАН — ЮФУ (РГУ) [Власкина 2011, Власкина 2018]. Кроме того, в исследовании использованы некоторые материалы Ф. В. Тумилевича, выявленные среди его черновых записей⁴. На момент проведения интервью информанты относились к разным сельским поселениям Краснодарского кр., Ставропольского кр., Республики Дагестан и Грузинской ССР. Однако все они были связаны происхождением с дунайской некрасовской диаспорой, образовавшей во второй половине XIX в. поселения в турецкой Малой Азии — на острове Мада, на побережье озёр Майнос и Акчаир, откуда жители несколькими группами реэмигрировали в Россию с 1911 г. по 1962 г. В различные периоды своей истории казаки-некрасовцы многообразно взаимодействовали с другими старообрядцами дунайской ветви, что обусловило сближение и взаимные заимствования в различных сферах культуры.

Разбор имеющихся материалов позволил выделить в традиционной медицине

² Вероятно, речь идёт о широко распространённом гадании по символическим предметам, положенным на четыре угла специальной подставки — «табуретки».

³ Цитаты из письменных источников приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

⁴ При наличии, материалы Ф. В. Тумилевича приводятся по его рукописям, а не по публикациям, поскольку сравнение выявило правки, отразившиеся на содержании.

казаков-некрасовцев четыре раздела⁵: детский, женский (включая родовспоможение), общий и ветеринарный. Соответственно, среди названных и описанных недугов к первому разделу принадлежат *сглаз*⁶, *бессонница*, *испуг*, *припадки / младенческая / родимец*, *сухота / сушеи*, *глотка*, *шишки*, *пахалки*, *грыжа*. Ко второму — *груб* (грудница), бесплодие, кровотечения, *золотник*, косметические проблемы. К третьему — холера, чума, *мор*, *сибирька*, *камчуг*, головная боль, змеиные укусы, наколы, порезы, нарывы, заражение крови, *у нутре боль* (болезни желудка и других внутренних органов), *нырок / волос*, *болячка / спина разошлась* (боли в спине), *рука-нога разовьётся* (вывихи и растяжения конечностей), *нечистый / враг вселился* (бешенство, сумасшествие), *лихоманка*, *порча / порчь*, слепота, *ячмень* и другие поражения глаз, сифилис; кожные заболевания — *змея* (разновидность экземы), *куриная жопка* (сухая мозоль) и *лыша-лудига* (лишай). Из болезней животных в материалах фигурируют *черви* (глисты) и внезапная потеря молока, которая, впрочем, может трактоваться не как специфическое заболевание, а в качестве симптома сглаза или порчи.

Данная структура носит во многом условный характер; особенно трудно бывает провести границу между детским и общим разделами, поскольку целый ряд недугов поражает как взрослых, так и детей. Однако одни заболевания более характерны для взрослых, другие для детей и наоборот, либо несут больше угрозы, если переносятся в определённом возрасте. Так же сложно бывает, если имя недуга прямо не названо, в точности установить, о какой проблеме идёт речь. К примеру, как понять, от чего знахарь лечил информанта, когда у него «у нутре балела»? И можно ли быть вполне уверенным, что речь идёт о сифилисе, если у человека «гадасть в насэ завялась, тащила там внутре покосился нос, внутрь стягивался»? Поэтому в отдельных случаях подбор некрасовским наименованиям болезней

современных литературных соответствий может быть не совсем точным.

Представления казаков-некрасовцев о происхождении болезней, наряду с эмпирическим компонентом, основанным на знаниях о воздействии сил природы на человеческий организм, сохранили значительный корпус мифологических образов и сюжетов. Центральной идеей, объединяющей разнообразные этиологические суждения в стройную концепцию, является идея Божьего промысла, в русле которого болезнь может быть наказанием, испытанием и даже отличием и может настичь человека в любой день и час. В эту идею вполне вписывается иномирное демоническое происхождение большинства недугов.

Небольшой обзор традиционных представлений некрасовцев о природе недугов опубликован в недавней работе [Власкина 2018]. Здесь же мы приведём ещё несколько сюжетов из собрания Ф. В. Тумилевича, в которых демоническая природа болезни предстаёт особенно откровенно. Так, в тексте о происхождении болезней, записанном в х. Ново-Некрасовском Приморско-Ахтарского р-на, помимо неоднократно зафиксированных мотивов «заклятье Екатерины» и «подморная земля», содержится сюжет о том, «как турки болезнь на белый свет выпустили»: «*Раньше, в премудрой Софии — в соборе, что в Константинополе стоит, в куполах собора была вся болезнь запечатана. Люди рожались, жили по-много, а в положенный час помирали. Никто не знал, что это за болезнь. Шло так время, шло и никто не болел. А тут у гречина, что бога прогневил, пришли турки, взяли Константинополь. Взявши — захотели премудрую Софию сломать. Полезли турки на купола и стали ломать. Как только распечатали купола, сбили их, — распечатали и болезнь. Вышла болезнь наружу и пошла по всему свету. Стали люди болеть. А то, до того, окромя смерти ничего не было» (Гоголева М. М., зап. в 1955 г.) [Предания Т. 2: 89д — 89е]. В этом сюжете используется*

⁵ Сразу следует оговориться, что предлагаемая структура не претендует на полный охват реальный, поскольку базируется на заведомо субъективной выборке, сформированной под влиянием интересов собирателей, далёких от задачи представить всестороннюю картину народно-медицинских знаний и традиционных практик изучаемой общности.

⁶ Курсивом выделены народные и диалектные названия болезней, прозвучавшие в речи информантов.

широко распространённый классический мотив «ящик Пандоры». Потенциальное множество будущих недугов выступает в концептуальном виде как единая *болезнь*, от которой люди были изначально ограждены. *Болезнь* была *распечатана* вместе с утверждением иноверцев в цитадели православия — храме Святой Софии. Идеальное прошлое — это время, когда *честная смерть* приходила без страданий *в положенный час*. Распространение болезни по миру оказывается карой за поругание христианских святых, которое, в свою очередь, было допущено высшей волей как наказание византийскому императору⁷: *у гречина, что бога прогневил, пришли турки, взяли Константинополь*.

Остров Мада, где от реальных холеры и малярии погибла большая некрасовская община, предстает в преданиях и легендах не столько нездоровым, сколько inferнально опасным местом. Мада — средоточие колдунов, чернокнижников, ходячих покойников и прочей нечисти. *«На Маде была болезнь — холера, от неё все некрасовцы и поумирали. А ещё турки до нашего прихода жили на острове и тоже все поумирали. Вот те турки хоронили на Маде колдунов. Жили на могилах турок и черти. А когда наши поселились, так те колдуны и черти по ночам вставали из могил и ходили по хатам и людей смерти придавали»* (Королёв И. Т., зап. 1958 г.) [Предания: 125].

Иномирность угроз, которые таил остров, особенно усиливалась их иномородностью. Источником устрашающих слухов о колдунах и чернокнижниках выступало местное население: *«Говорили, что до некрасовцев на Маде жили греки, потом турки и все они поумирали»* (Фатеева Д. Л., зап. в 1958 г.) [Фатеева. Заметки и тексты: 36]. *«Как озеро появилось, острова стали подморными. А тут ещё и турки напакостили. Когда у них умирали чернокнижники они их хоронили на Маде. Вот они вставали из могил, да ходили по нашему селу ночью. Придут и задавят»*

(Царёв Г. Н., зап. 1958 г.) [Предания: 137]. *«Турки на Маду ездить боялись, называли наш остров Кара-Мада, Чёрная Мада, подморная земля»* (Царёв Г. Н., зап. 1958 г.) [Предания: 131].

Симптомы болезней о. Мады так часто описываются как результат воздействия демонических существ, что рациональная картина произошедшего в воспоминаниях отходит на второй план, а иной раз и вовсе теряется. Неслучайно у Фёдора Викторовича Тумилевича сложилось впечатление, что рассказы мадьевцев, насыщенные фантастическими деталями, могли возникнуть не иначе как под влиянием галлюцинаций [Тумилевич 1961: 262].

В некрасовские былички о болезнях проникли такие персонажи восточного фольклора как дервиши, шайтаны, джины, дедёи⁸, которые несколько потеснили традиционных для славянской традиции колдунов, оборотней и чертей. В некоторых случаях заимствованные персонажи выступают под собственными именами и выполняют соответствующие функции. Таков, например, дедей, который, как и положено духу предка, живёт среди могильных ям и наказывает чужаков за непочтительность неизлечимой болезнью: *«Плюнули в одну яму, а из неё как выскочит дидей и за нами. Мы бежать. Прибегли домонь, а после того не разу не ходили за станицу. Хорошо, что нас дидей не тронул, а то бы и мы померли»* (Гарбузова М. Е., зап. 1946 г.) [Предания Т. 1: 181].

В ряде текстов прослеживается иная модель восприятия иноэтнических элементов, согласно которой функции и другие признаки традиционного вредителя изменяются таким образом, что можно сказать, под его именем скрывается заимствованный персонаж. Например в быличке «Чёрт мстит некрасовцам»⁹ казак парализовало — *перекосило* — после того, как он справил нужду на могиле чёрта (Фатеева Д. Л., зап. 1958 г.) [Фатеева. Заметки и тексты: 39-41]. Этот сюжет целиком

⁷ Сюжет связан с преданием об императоре Константине, которого гордыня привела к святотатству. Легенда о св. Елене и императоре Константине была записана в х. Новонекрасовском Левокумского р-на Ставропольского кр. в 2010 г. [Зудин 2012: 331-348].

⁸ В записях Ф. В. Тумилевича «дидей», видимо от турецкого Dede' в значениях 1) дед, бабушка, 2) предок, 3) шейх у дервишей мевлеви [Турецко-русский словарь 1977: 212]. Однако по функциям и локализации персонаж в одних случаях больше напоминает джина, а в других — вампира.

⁹ В публикации текст озаглавлен «Перекошенный казак» [Тумилевич 1961: 209-210].

дублирует популярные османские истории о джинах, насылающих болезни с соответствующим запретительным императивом: в местах обитания джинов нельзя совершать ни малой, ни большой нужды. Особенно примечательно, что, по турецким поверьям, виновников также настигает паралич: у них отнимаются руки и ноги [Гордлевский 1962: 316]. Причиной ряда недугов некрасовцы считали обескровливание людей и животных особым демоном. В одном из преданий казаки обессиливают и умирают потому, что их кровь выпивает баран-вампир, в которого превращается похороненный возле станицы турок: «Он по ночам выходил из могилы, претворялся в барана и прибегал в станицу. Придёт и осёт людей, людито без крови остаются, поделаются зелёными, а потом умирают» [Гарбузова М. Е., зап. В 1946 г.] [Предания Т. 1: 182]. Подобные поверья более развиты на Балканах и в Добрудже; к северо-востоку славянского мира они редки, хотя отдельные мотивы просматриваются в сюжетах об оборотнях, упырях, колдунах и хождении мертвецов [Левкиевская 1995: 282].

При таком обилии сюжетов, в которых тема болезни разворачивается в демонологическом ключе, неудивительно, что вплоть до возвращения в Россию некрасовцы считали причиной большинства недугов вселение в человека нечистого духа.

Например, лечение лихоманки при помощи испуга считалось очень действенным: «У нас лячили от лихоманки так: кого она трусит, на того льют холодную воду, да так, чтоб больной не видел. Как он испугается, лихоманка его покинет. Если она не бросит больного, тогда греют воду, бросают в неё горячих углей, а потом над больным держат сито над головой, льют воду и читают “Богородицу”» (Беликова Д. Е., зап. в 1959 г.) [Предания Т. II: 123].

Процедура физического изгнания являлась единственным способом лечения таких болезней, как сумасшествие и бешенство: «Наша бабушка лешила. Закроет яво в одну комнату и возьмёт хворостинку. И хворостинкой яво пришьпнет, если вон балуваётся, и читала. Да, вот убивали, лячили тем. <...> Беса выгоняли» (Елисютикова Т. Т., зап. 2010). Но по свидетельствам информантов, знахарская практика и в других

случаях зачастую выражалась в ритуалах изгнания: «Заболает бывало человек у нас на Майнозе, никто не знает, чем заболел. Призовут бабку, она гутарит: «Враг (чёрт — Ф. В. Т.) вселился». Ну, сейчас того больного лечить начинают. Оденут на него хомут, уздечкой взнуздают и начинают за чумбур (конец поводка — Ф. В. Т.) тянуть через хомут. А поп в это время причитать начинает, дьякон кадиллом кадит, да подпеваает попу. Народу набежит много глядеть. Каждый кричит, советы даёт: — Хомут подтяни. — Резче за чумбур тяни! — Улюлюкают, в вёдра бьют. Это врага пугают. Ну, ад кромешный. Может человек-то и поправился бы без такого лечения, а тут непременно помрёт» (Семутина Д. С., зап. 1956 г.) [Предания Т. II: 16 — 17].

В данном контексте отношение к профессиональной медицине было весьма критическим: «Попы, наши старые люди гутатили: “Кто додохтура ай да фершла пайдёт — проклят будет, загубит себя и душу свою, бесу продастся. С доктором дело иметь, что тютюн (табак), али каву (кофе) и чай пить”» (Семутина Д. С., зап. 1956 г.) [Предания Т. II: 16]. С одной стороны, неприятие медицинской помощи очевидно связано с концепцией Божьего промысла, в русле которой лечение есть противодействие высшей воле и потому становится в ряд других греховных деяний. С другой стороны, причина подобной нетерпимости может быть связана с различием принципов, на которых строятся стратегии знахарской и врачебной помощи. Изгнание болезни (то есть демона) противопоставляется её лечению, которое может рассматриваться как улаживание, умиротворение, задабривание нечистой силы. При этом стоит отметить, что обе парадигмы не противостоят, а дополняют друг друга. И здесь уместно вспомнить мифологему неузвизимости некрасовского войска, секрет которой, согласно преданию, — в тайных магических знаниях: «Игнат наш наверно был волшебник. Когда он с Дону увёл народ на Кубань с ним пошло много стариков — они тоже были волшебники. Сорок тысяч пошло одной кавалерии и все были заговорены, ни одного не убило <...> Не стало сударя, поумирали предки. Мы-то уж такими не были на нас заговор не пошёл, вот и стал турка брать казаков на службу.

У Игната были заговоры от пули, шапки, пики. Пойдут бывало предки на Катерино войско, бьют его, а их ничто не бра-ло» (Беликова Д. Е., зап. в 1959 г.) [Предания Т. 2: 123-124]. Признание во владении волшебством, предосудительное в повседневной жизни старообрядческой общины, в данном жанре и событийном контексте не порочит, а скорее возвеличивает легендарных предков.

Продолжим рассмотрение общих принципов отношения к болезни несколькими примерами того, как может оцениваться конкретная причина недомогания.

Обильные и болезненные женские кровотечения могут быть случайно или злонамеренно переданы с нечистотами: «(Нет бы) вылить воду после стирки в поганую яму<...> Иидётъ, и бегають, на дарогу выливають, шоба хто-то зацапил, а “с миня сашло, а на ниё нашло”. С: А только какая с этого радость? — А с миня-та... Я-то муцаюся, а пайду, вылью, шоб люди зацапили, шоб на них было. Я тада пиристану, мож другой зацёпить. Поняла? У каждава ш есть — льёца, и льёца, и льёца. Ани набегли, вылили, нашкодиди, вылили, а другой идётъ, зацапил и фсё» (Ялуплина М. Е., зап. 1999).

Мотив плохого места, где человека подстерегают болезни, может разворачиваться как приведённый здесь сюжет о колдовстве, в котором некто нарочно оставляет «заражённые» предметы и субстанции на общедоступных путях: в воротах, на перекрёстках и на оживлённых дорогах. А может, как показано выше, быть частью истории о демонах, наказывающих болезнью или вселяющихся в человека, который случайно оказывается и ведёт себя неподобающе в их владениях. Масштаб вторжения варьируется от глобального, когда, как на острове Мада, целая община оказывается в параллельном демоническом мире, до эпизодического. Нарушитель вольно или невольно оказывается в локусах, имеющих особый мифологический статус. В таких случаях говорят: «он наместу нашол».

Проблемы, возникающие в связи с деторождением, закономерно обусловлены мифологией зарождения жизни и родового процесса. Так, болезнь *золотник*, которая возникает у женщин после родов, рассматривается как своего рода персонаж, связанный с ребёнком в утробе,

способный на собственные желания и самостоятельные действия: «Золотник это сам пупок, пуповина. Когда младенец родится, он бегаёт, ищет. <...>Рибёнащик иво щитаица, там сидить, а када он уиёл, он тада бегають, ишииеть — нет, пустой живот атался, апустел, прилянился, вот он тада балить. Тогда надо водки выпить, и всё заживёт» (Ялуплина М. Е., зап. 1999). В парадигме рождения как путешествия младенца с «того света» на «этот» угроза выкидыша объясняется тем, что «Ребёнак как с путя сбился». Для исправления ситуации лекарка делала специальный массаж, который представлялся восстановлением пути: «Ана у наз женчинах от на лады станавила, биреминных. <...> Масажыравала, патвидётъ тибя с адной стараны, з другой стараны, и ацсуда фсё атвидётъ, и скажыть тибе, што ты мальчика родиш или деващку» (Елисютикова Т. Т., зап. 2010).

Как явление, сложившееся в сообществе, для которого профессиональный компонент относился к основам идентичности, традиционная медицина казаков-некрасовцев обладала ярко выраженной религиозной составляющей, в определённых случаях возвышавшейся до теургического уровня. Одним из примеров подобного свойства является лечение в храме, которое, по сообщению респондентов, было популярным ритуалом при самых разнообразных недугах. «Ну а у нас, если забалел или чё, у нас фсигда, от у церкаф, служыли на Пасху, ночью фируги нисуть и иконы нисуть, поп идётъ, ани тада ложуть этава маладенца, и фсе иму пирипрыгивають. На зимь ложуть, ф церкви в двинацьты чисоф, иво ложуть, и ани пирипрыгивають. На Пасху. (С: И все, кто идёт, весь этот крестный ход?...) Да, да. Нисуть фируги, и «Христос воскрес» служуть. И пирипрыгивають. Или от забале-ла сильна женичина, тожы советывають так. (С: То есть, это от любой болезни?) Да. От ана лажыца, ани фсе пирипрыгивають. (С: Женщины и дети, или мужчины тоже?) Не, мущинах ни знаю, а женичина бывають и дитей большы» (Беликова К. П., зап. в 2007 г.).

Наряду с непосредственным обращением к божественным силам, некрасовцы оперировали традиционными народно-медицинскими практиками. Стратегия целительства, тактическое многообразие

приёмов и методов некрасовских лекарственных открывається в устойчивых глагольных конструкциях, нагруженных семантикой творения, ограждения и отсыла / избавления:

- катухи¹⁰ *катать* (с трав);
- *ат жылудка кариня капать, атвари-вать да пить* (сапáрную траву);
- *глаз справлять* (языком), *мазать* (го-лодной слюной), промывать (грудным молоком);
- *ячмень выгаваривать*;
- *сглазу сливать*;
- *на асудинава*¹¹ *щитать* (мали́ты);
- *нечистого / бешенство / беса угонять, выгонять, стягать, убивать, пришлѣ-пывать, лечить* (осиновым прутом, хворостиной);
- *от сухот запякать, на сор выметать, продавать, купить* (в тушканьих ушках);
- *глотку / шишки / пахалки давить, гладить*;
- от головной боли *павязать связяцки и на солнышку накрутить*;
- *нырок / волос курить* (нырковой травой);
- *раны подкуривать, закуривать дым-ком* (нырковой травой);
- от порезанных нарывающих ран / от *вросшего ногтя парить и приклады-вать* (листом *финовника*);
- от бесплодия заваривать (красный бурак), ставить над ним и парить, *гладить*;
- *беременных на лады ставить*;
- *рука разовьётся — пагладить и шерстим привязать*.

Сегодня некрасовских лечебных заговоров известно очень мало. Причины этого не совсем ясны, но по крайней мере два обстоятельства представляются заслуживающими внимания. Это ранее упомянутая избирательность исследовательских интересов и подробно рассмотренная в статье о детских болезнях религиозная этика, в русле которой заговорное искусство оценивается крайне негативно. Вместе с тем, развитая заговорная практика не только возможна, но зачастую и характерна для старообрядческих сообществ, где устоявшиеся формы этномедицины опираются на высокую грамотность

и вековую традицию копирования, хранения и передачи сакральных текстов — канонических, апокрифических и тайных. Отчасти знакомство казаков-некрасовцев с искусством заговаривания подтверждается вышеприведённым преданием «Игнат наш наверно был волшебник». Хотя, конечно, установка на сверхъестественное в этом тексте очевидна.

В данной статье мы представляем 11 лечебных текстов, записанных от носителей некрасовской традиции в разное время. Тексты приводятся полностью в приложении. Сравнительный анализ некрасовских заговоров мы оставляем для следующих работ.

В арсенале лечебных средств в казаков-некрасовцев — большое количество лекарственных растений. Большинство из них имеет широчайшее распространение на юге Европы и в Малой Азии. Так, например, для улучшения лактации кормящие матери использовали капустное семя: «*А малако прапала, эта у нас были капустныи эти, сямяна. Эти капустныи сямяна кипятяшь... Кипятить яво, да воду пить. Малако тада прибываить*» (Николашкина М. Я., зап. в 1999 г.).

Для заживления ран хорошим средством считались несколько разновидностей травы кирказона (Кирказон, или Аристолохия лат. *Aristolochia*), объединённых под диалектным наименованием *финóвник*: «*Финовникам, — кажную баяяцку. Иде парезал, иде палис нарываить*» (Елисютиков Н. Ф., зап. в 2010 г.).

Во многих случаях значение придавалось не только и не столько фармакологическим, но и символическим свойствам растения. Осина применялась для лечения таких мифологически нагруженных недугов, как бешенство и сумасшествие, которые были слабо дифференцированы и могли объединяться в представлениях некрасовцев под названием *нечистый* по явному признаку неспособности больного владеть собой: «*Осина чѣ же, от нечистого. От нещистого, да. Есть даже вот с ума сходили, терялися. <...> Да, беса выгоняли*» (Елисютикова Т. Т., зап. 2010 г.). При этом важнейшим условием успеха считали обстоятельства получения «лечебного» средства: «*Т. Т.: Да, да. И даже*

¹⁰ Катухи — таблетки.

¹¹ Осуд, оговор — вид уроков: осужденный — то же, что урочливый.

иде осина растёт, чтоб петухов не слышала. Куры кричат. вот петухи поют, чтоб она не слышала. В глуши где-то она. (С: Нечистая сила не слышала?) Е. К.: Нет. Чтоб осина в глуши была, чтоб она не слышала, осина вот, петухов. (С: А как это можно сделать?) Т. Т.: В лясу. Е. К.: Где-то она в глубине. <...> там его (прут — Т. В.) брать и сюда приносить» (Елисютикова Т. Т., Гулина Е. К., зап. в 2010 г.).

Наряду с природными материалами, доступными на Юге России и в Добружде, в лечебной практике некрасовцев выявлены дикорастущие растения, ареал распространения которых ограничен северо-восточным Средиземноморьем и Северной Африкой. В ряде случаев их диалектные наименования и наивные описания, со слов респондентов, сложно в точности соотносить с научными ботаническими определениями. Тем более что, как правило, речь идёт не об одном конкретном растении, а о нескольких разновидностях одного вида или о представителях разных видов, обобщаемых под одним диалектным названием в связи с какими-то внешними признаками или лечебными свойствами. Эта работа не может быть завершена без специальных исследований гербарного материала; в данной статье мы представляем некоторые предварительные выводы, полученные на основании изучения специалистами-ботаниками устных описаний.

- Сапарная трава, (Спаржа лекарственная, или Спаржа обыкновенная, или Спаржа аптечная, вид рода Спаржа лат. *Asparagus* семейства Спаржевые лат. *Asparagaceae*). «От желудка пить. Ата фсяво ана. Иё таю-та сапарную называли всем ляркарствам ана мать. <...> Фсем травам ана мать» (Елисютиковы Т. Т. и Н. Ф., Пашина П. Т., зап. в 2010 г.).
- Ныркóвая трава. Средство от ран. «Дымом окуривали раны. <...> Как палынь ана, как палынь, нападобия, а можы быть ана у нас там и палынь та-та была, а тут ана от, ну уроди запах такой, но палынь, видиши, глаткий лист, а там ана была как калюцка на ней была, жёшкая» (Елисютиковы Т. Т. и Н. Ф., зап. в 2010 г.).
- Тушканьи ушки (Чистец Византийский (лат. *Stachisbyzantica* С.), сильноопушённые разновидности Горного

Шалфея (лат. *Salviastenophylla* Burch) или Коровяка (лат. *Verbascum thapsus* subsp. *crassifolium* (Lam.) Murb). В отваре купали безнадежно больных детей и стариков. «Тушкании вушки, Купата с малитвай — эта старинная Изнатава ляка» [Сердюкова 2005: 130]. «Вот, например, болеет, и не умирает и не выздоравливает, например, человек. Ну, оне его купали будто бы. И когда в воду бросали, если они как-то кипели, <...> и вот хто по кипу определял, как умрёт или живой будет. <...> И вот он, действительно. Вот покупают, а вон или выздоравливал или умирал» (Гулина Е. К., зап. в 2010 г.).

- Прутнии каряня (Асфодель лат. *Asphodelus*): «От тут жолтыи святки, как лиши святуть ани. А у них как у гиргинах, от такии-та тониницкии. Прутнии каряня называла бабушка у нас <...> ани каг дикия». «И вот ана эти каряня, и воск, и фсё варила, и делала спуск, мы называли, жолтинький спуск. <...> Да, штоб заживала. А мы пат Паску месим, и укули талкём, а у нас ы руки папалопаюца, гарять. А мы тем-та спускам панатрём сабе» (Елисютикова Т. Т., Пашина П. Т., зап. в 2010 г.).
- Сакыз — (Мастиковое дерево, или Фисташка мастичная, или Фисташка мастиковая лат. *Pistacia lentiscus*). Древесная смола мастикового дерева, ведущий компонент крема для лица: «А лицо — сами делали, збивали етат, смятану. Смятану збивали, и сякыз был, жавачка» (Пашина П. Ф., зап. в 2010 г.).
- Абызá / абузá — растение, напоминающее камыш [Сердюкова 2005: 25]. Листом вскрывали нарывы (мастит). «Резала, от прямиа да, острайе т ат, лезвия бирёт, ни иголжай шыряла, а падвосит абызу, знаиши абызу. Вот отах-то иё падвоситрит, да ей праширнёт, а етай, лезвий фить, резала. Сабе! И сама делала крем делала, и клала и заживала» (Елисютиков Н.Ф., зап. в 2010 г.).

В качестве сильного лекарства некрасовцы высоко ценили иерусалимский ладан — составное средство, рецепты которого известны во множестве вариантов. По словам информантов, они пользовались ладаном из смолы ладанного дерева,

которую привозили из святых мест (Елисютиков Н. Ф., зап. в 2010 г.).

Можно заметить, что средства, воспринятые, вероятнее всего, от неславянского населения Малой Азии, укоренились не только в периферийных отделах народной медицины некрасовцев, став сырьём для косметических препаратов, но и проникли в семантически нагруженные ритуалы, где фармакология зачастую уступает магическому символизму — речь идёт, в первую очередь о процедуре купания в тушканных ушках. Помимо инноваций в виде ранее неизвестных природных материалов в лечебную практику проникали и специфические способы использования некоторых растений, произрастающих в России и, скорее всего, знакомых предкам некрасовцев ещё до исхода из пределов родины. В качестве примера можно привести практику лечения глазных болезней (вплоть до слепоты) путём промывания «слезами» срезанной виноградной лозы. *«Винаград када абрежыши, а он капить, от винаград плащить, называют. От таю-та сабирать нада воду. (С: «Слезой» это соком, да?) Да-да-да. Можна. Ня сам винаградный сок, а када дерива, лазу-та атрежыши»* (Елисютиковы Т. Т. и Н. Ф., зап. в 2010 г.).

Помимо традиционных отваров, настоев, примочек и других сравнительно простых для исполнения способов использования растительного сырья, лекари готовили трудоёмкие снадобья, требующие специальной подготовки. К таким относятся *збитень* из высокощелочного самодельного мыла, взбитого с яичным белком, его применяли при гнойных воспалениях ран и нарывах (Елисютиков Н. Ф., зап. в 2010 г.). *Снуск* — лекарственная смесь, изготавливаемая на основе растопленных, сплавленных вместе растительных веществ и пчелиного воска (Елисютикова Т. Т., Миронова А. В., зап. в 2010 г.). Кремы из соединённых на паровой бане и взбитых ингредиентов животного и растительного происхождения, например, из густой сметаны и сока молочая (Пашина П. Т., Елисютикова Т. Т., зап. 2010 г.).

Отдельного внимания требуют средства животного происхождения, которые тоже представлены в традиционной медицине казаков-некрасовцев. Помимо уже упоминавшегося воска, некрасовцы

пользовались: от лишая — *змеиным выползком* (сброшенной кожей змеи); мясом раков — от внутренних опухолей и нарывов; куриным помётом — от мастита; мочой — от открытых резаных ран; порошком из толчёных панцирей раковин определённых видов — для приготовления составных средств различного назначения и т. п. К подробному рассмотрению данных материалов стоит обратиться в специальной работе.

Обобщение и систематизация имеющейся информации позволяет выделить две наиболее важные особенности традиционной медицины казаков-некрасовцев.

1. В этногенетическом отношении народно-медицинский комплекс сформирован вокруг восточнославянского ядра, в которое входят такие позиции как доначные представления о природе болезней и основных способах избавления от неё, заговорная традиция, этика отношений между лекарем и пациентом. Южнорусские черты восточнославянской основы проявляются как в терминологическом, так и в содержательном отношении: наименования и номенклатура недугов, выделение симптомов и их оценка, определение лечебных средств и представления о принципах их воздействия относятся к культурным феноменам русско-украинского пограничья и во многом базируются на нижнедонском опыте природопользования. Добавления и заимствования просматриваются в основном южнославянские и малоазийские. Эти инновации вскрывают зависимость культуры средневекового типа от доступной ресурсной базы. Перемещения, странствия заставляли некрасовцев множество раз переживать адаптацию к незнакомой природной среде и необходимость устанавливать соответствия между прежним опытом и вновь осваиваемыми растениями, животными, минералами. Критичность ситуации в некоторой степени снималась запасами, но рассчитывать на них вечно было невозможно, и рано или поздно освоение новой территории становилось неизбежным. Показательно, что, по рассказам, возвращаясь в Россию, некрасовцы также пытались привезти с собой большое количество наиболее ценных лекарственных средств. В некоторых семьях запасы полувековой давности не истощились по сей день. Отсюда,

с одной стороны, обилие заимствований из арсенала местных «специалистов» — пожалуй, не будет слишком большим преувеличением сказать, что по элементам знахарского арсенала можно проследить исторический путь некрасовцев. С другой стороны, перманентная адаптация породила множественность соотнесений растений, наиболее важных в структуре «лечебного мифа» некрасовцев: трава богородица, матерняя трава, тушканьи ушки и т. д.

2. Архаический облик (характер) народно-медицинских знаний и практик проявляется в трёх основных позициях:

- религиозная доминанта, которая имеет важное структурирующее и нравственно-этическое значение. Связь с конфессиональной культурой проявляется в показательном корпусе целительных средств и приёмов: сакраменталий, лечебных канонических текстов и актов теургической терапии;
- архаической чертой является синкретизм народно-медицинской сферы: смешение магии и эмпирики. За этим давно привычным для отечественного этнографа-фольклориста определением скрывается ситуация, пережитая и забытая российским населением более 100 лет назад. Примерно с того времени в общественном сознании окончательно укоренилось разделение сферы здравоохранения на «то, что лечат врачи» — проблемы, диагностируемые и признаваемые официальной научной медициной европейского типа, и беды однозначно сверхъестественные — «то, с чем только бабки могут помочь». При этом особенно опасным считается смешение сфер и произвольное пересечение их границ рационального и иррационального. Распространённым стало мнение, что с болезнью, воспринятой как следствие глаза или колдовства, ни в коем случае нельзя обращаться к врачу. Обычно ситуация описывается клишированной фразой: «Ни давай резать, тогда и бабка не поможет!» Иногда символическое значение нарушения границы придаётся любому пролитию крови, которое, видимо, воспринимается как нарушение целостности человеческого тела. В связи с этим негативно воспринимается, например, сдача анализа

крови. У некрасовцев мир цельный, что закономерно, поскольку деление на реальную и сверхъестественную сферу влияния — результат просвещения и атеистического воспитания, в то время как мир верующего человека делят силы добра и зла, и они в одинаковой степени реальны. Барьер, разделяющий отдельные сегменты этой цельной картины мира, существует: это барьер между понятным (традиционным) и непонятным (чужим);

- сохраняющееся во многих случаях разграничение специализации знахарей — женщин и мужчин по недугам женской и мужской сферы. Это деление, как правило, дифференцируется как «внутреннее / внешнее» или «дом, станица, поле / внешний мир»: знахарь-мужчина лечит от змей, от червей, от рубленых-резаных ран у людей и животных, от травматических кровотечений (в том числе из носа при ударе в драке), в то время как внутренние кровотечения — дело женское. По легендарным свидетельствам, только мужчины владели заговорами, ограждающими воинов от боевых ранений, и сильнейшим из них был сам Игнат Некрасов. В ведении женщин-лекарок находятся не только сугубо женские проблемы — роды, бесплодие, детские болезни — но и все хвори «внутреннего» вида и происхождения. К ним относятся реальные и сверхъестественные недуги, условно локализованные в пределах дома и станицы: от воспалений и желудочно-кишечных расстройств до глаза и порчи.

Вопрос о заимствованиях — важный и сложный для некрасовской традиции. На примере народной медицины можно проследить различные модели восприятия чужого опыта и развития инноваций. Традиционная медицина казаков-некрасовцев, не будучи маркером идентичности, не относилась, в отличие от исторической песни, эпоса и преданий (не говоря уже о языке и вере), к аксиологическому ядру данной этносоциальной культуры, тщательно оберегаемому от инородных воздействий. Она представляла собой открытую систему, важнейшим критерием отбора в которую стала целесообразность. Однако было бы ошибкой видеть в этом комплексе механическое произвольное

смешение разнородных элементов, поскольку корпус жёстко структурирован и иерархически, и горизонтально. Заимствования встраиваются, переосмысливаются до неузнаваемости и фактически обогащают традицию, давая толчок к последующему развитию.

Эти наблюдения в отношении народной медицины казаков-некрасовцев показывают те стороны традиции этой легендарной общности, которые не видны при концентрации внимания на центральной зоне идентичности. Общество, возведшее культурную консервацию в статус центральной идеи выживания, создало адаптивную народно-медицинскую систему, которая воплотила в себе реакции на проблемы здоровья и воспроизводства в условиях вновь осваиваемых природных и социальных сред.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ЗАГОВОРЫ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

Записано в с. Новокумском Ставропольского кр. в 1999 — 2010 гг.

1. Молитва от болячки (свих, позвоночник нарушенный)

«И с Богородицей и Архистратиги Ананий, Азарий, Волих и Михайле (Мисаил?), архангилы шыстикрылиши, страшный грозный ваяводы,

Святых штых архангилы Михаили, святых штых архангилы Гавриили, святых штых архангилы Сирафили (Селафили), святых штых архангилы Ефнасииле

*Придите, намагити, будьти са мною
Дай (...), дай знание...*

Фсё щитаица, фсё щитаица.

Баляцка, баляцка, тебе вызываю, выйди, выйди из кастей, из суставаф, из коликей, из болей

Выйди, баляцка. Тут тебе ни места, тут тебе ни сидеть.

Иди баляцка на чёрнай балота...

Фсякии малитвы, какии хочешь» (Ялуплина М. Е., соб. Власкина Т. Ю., зап. в 1999 г.).

2. От женских болезней

«(С: А от женских болезней что читают?) Тоже малитву читаю. Вот Михаила Архангила призываю, фсех призываю, фсех,

Причистую Божию Мать, Никалая Угодника — фсех призываю, фсе намагають. Фсе крутюца, фсе намагають. (С: Ну вот, вы призвали, а дальше как?) А дальше «Фсепетая» щитаица» (Ялуплина М. Е., соб. Власкина Т. Ю., зап. в 1999 г.).

3. От сглаза (опубликован в ст. «Детская болезнь...»)

«Соль да вода, налиты глаза, кто думал, кто угадал — соль им в глаз, семерику¹² на нос, кто думал, кто сгадал, чтоб полопались глаза! Всё! Всё! Отошло, прошило, нема никого!» (Ялуплина М. Е., соб. Власкина Т. Ю., зап. в 1999 г.).

4. От сухот. При перепекании ритуальный диалог (опубликован в ст. «Детская болезнь...»)

«Сухатú запякали. Если растёт етыт, слабенький ребёнок, яму сухоту запякали. Свекруха печку затопить, хлебу посажаеть, один хлеб оставить, а эти повынаеть. Повынаеть, и пецка остынеть. А хлеб сидить в пецки. Она возьмёт на лопатку, положить яво, а другая придёт и говорить: «Бабушка, что ты делаешь?» А она: «Сухату пяку». «Пяки, пяки да запяки!» Три пятницы они это запякають. А хлеб, который в пецке, они вытащуть и какой-нибудь старухе дадут. Она молится...» (Елисютикова Т. Т., соб. Власкина Т. Ю., зап. 2010 г.).

5. От сухот. При перепекании ритуальный диалог (опубликован в ст. «Детская болезнь...»).

«Эта сухатú запякають. Эта есть рибёнак балеить, эта у нас от эта та так делали, к вращам мы ни хадили, а рибёнак сохнить, э-э... сухой. Ну, чё иш? Ф пецку, на лапату взяла, наклала яво, заверну тава рибёнацка, стаить. И другая женчина: «Сваха-сваха, чиво запякаишь?» «Сухатú, сухатú пяку» «Чиво пикёшь?» «Сухатú пяку» «Пяки, пяки, да ни запяки» И ипать: «Сваха, сваха, чиво делаишь?» «Сухатú пяку» «Пяки, пяки, да запяки ие!» Апяты спрашиваить, третий рас ф пецку сажать. (С: Это в один день или в несколько?) В адин день, да, да. Ну, пазапакла ана яво, на веник наклала. Посли — на веник. Да панясла яво да сасетки, наклала яво с веника. А сасетка выходить, падабралá: «Ой, мой рибёнацки!» Ана: «Давай денги!» Вот капеицку ей даёшь. Вот так

¹² Семерик — семь мер соли или, возможно, лапоть особого плетенья в семь строк [Даль, 1994 / 4: 124].

ляжили, по́няла? Вот сухату́ эта мы ляжили. (С: Но его в печку сажают?) В пеицку на лапате, ана и ни таплёная. Проста пеицка, ана ни таплёная, проста ф халодную пеицку» (Ялуплина М. Е., соб. Власки-на Т. Ю., зап. в 1999 г.).

Записано в хх. Новопокровском и Новонекрасовском Приморско-Ахтарско-го р-на Краснодарского кр.

6. От грыжи

«Грыз грызу, грыз загрызаю, заря утришняя, заря вищерняя, грыз(у) ламбтя, жыл(а/у) патягуху, грыз грызу, грыз загрызаю, тибе, Госпади прасю, тибе умалю, памаги, Госпади, дай, Госпади младенцу Василию, шоб грыжа ни балела, ни ламила, навеки вякоф, аминь. Абратна. Три раза праицтаю малитву, и бяру тада в еищицку наливаю (мочу — Т. В.), и плитка там у нас, плитка. А я туда вешаю на трубу, и ана згараить, и грыжа прападаить. <...> саки, лажу палаицку, штоп ана ни разлилася, и повесила на трубу. И ана згараить и прападаить» (Гоголева Анна Ефимовна, 1917 г. р., некрасовка. Ур. Грузии, с 1993 в х. Новонекрасовском Приморско-Ахтарского района Краснодарского края, 7 кл., разнорабочая. Староверка. Соб.: Архипенко Н. А., Власкина Н. А. Зап. 2007 г. в х. Новонекрасовском Приморско-Ахтарского района Краснодарского края).

7. От глаза.

«И вот если рибёнак забалел, <...> нада налить вады с калонки, шоб нипитая вада была, налил, соль. (Не на ладонь, а на внешнею часть) И ат: соль и вада, налитыи глаза. Тфу! — и плюнуть три раза. Налил, пакристил, соль и вада, налитыи глаза. Тфу! Сначала на лоп, а патом эта. (Со лба на рот и по щекам) Да, отак. Ана и мокрая бываить, но памагаить. И вот другой раз зглазили чилавека. От, гаварять, ат глаза лопаица каминь. Правильна. Если от зглазили чилавека, значить, нада вадички, с калоначки вадички. Вы запомнили? **От соль и вада, налитыи глаза. Тфу! Три раза.** И ана збываица. Есть спички, но эта проици фсиво. Не забываица. А спичками, нада малитву читать. А малитву ни каждый запомнить. А эту запомнити уже. (С: Говорят, если спички, надо смотреть, куда они головками?) Эта снизу, если зглажыная здрава. А если апустилась, тожы читать малитву нада.

Вот ана засвителила, па три спички три раза светица. Засвителила и бросила. Тожы пачитала, ана бросила соли, вадички, соли бросила в стаканчик или кружычку, ва чё там. Пачитала ана и брасаить. Если зглазина, значить ана становица туда. Вниз галофка у ниё. Если ни зглазина, значить, ано плаваить. Значить, ни зглазили. (С: Можно так определить, а потом дальше лечить?) Ну от эта и личение. Три дня нада. Вечирам заря, гарить иде, на зорю, утрам — на зорю. Три раза. Эта проици фсех. (С: А там какая молитва?) Цырковная. А Оччу знаиш? Эта Багародица. Багародица, дева, радуйся, абрадаваная Мария, Госпоть с табою, благаславенна плот чрева тваиво, яко радила Христа, и Спас избавить — три штуки праицтаить» (Горшкова Евдокия Ефимовна, 1924 г. р., родители приехали из Турции, жили в Грузии, ур. х. Новонекрасовского Приморско-Ахтарского района Краснодарского края, б/обр., староверка, некрасовка, зап. 2007 г. в х. Новонекрасовском Приморско-Ахтарского района Краснодарского края. Соб.: Архипенко Н. А., Власкина Н. А.).

8. Облегчение родов

«Святыи Боже, святыи крепкий, святыи бисмертныи, памилуй нас. Присвитая Багародица, памаги нам, греишныи, Госпади, прасьти нас... И фсех там свитыи пирибириши, и Багуродицу, просици, скорая памошница, заступница, памаги. И Госпоть памагаить. <...> (С: Молитва бывает специально для родов?) Для родоу? Была у миня такая малитва, забрали иё <...> (С: Про что была та молитва, от родов?) Ну, там богородичный сон. А там фсё написана. (С: Про то, как «Мати спала, дремала»?) И приснился ей сон. И прииол к ней 1 сын, а ана иму гаварить: «Сыне мой вазлюбленный, видила я пра ти бестраишная и ужасная, и взяли тибе нимиластивыи». (С: Его надо было читать или на бумажке класть?) И читать можна, и пад голаву можна лажыть. Можна ражыницы и пад голаву, и так можна» (Жинжарова Акилина Титовна, 1929 г. р., ур. х. Некрасовского Егорлыкского юрта, родители приехали из Турции в 1920-х гг. в Россию, с 1936 г. — в х. Новопокровском Приморско-Ахтарского р-на Краснодарского кр., 3 класса, колхозница, староверка. Зап. В 2007 г. в х. Новопокровском Приморско-Ахтарского р-на Краснодарского кр. Соб.: Власкины Т. Ю., Н. А.).

Записано в с. Некрасовском Кизлярского р-на в 1961 г.

9. От укуса змеи

«На море на океане на острове // буяне там растёт ракутовый // куст. Под ракутовым кустом лежит медная труба. У той медной трубе лежит змей скоропей. Уж ты змей скоропей, прикажи своим змеям с 50 земель: земляным, водяным, плавневым, кобловым (пенёк — кобел), навозным, подкольным, каменным, щелевым на воздушным. И вынимай их лютость, крутость: из зуб, из подногтей, с подкостей, из жил, под паджилок. И вынимай (у) раба. Если ты не вынешь, не послушаешь, нашлаю на вас Илью пророка, он вас громом побьёт, маланьей пожжёт. Попрошу бабушку Соломонида которая Христа на руки приняла. Бабушка Соломонида обмывала Христа, обмой раба (имя) волос кудрявый чернявый. По сей день по сей час по сей минуту. Отойди день, отойди час, отойди минута.

Плюй на 4 стороны до 3х раз.

Вокруг раны иголкой обводят воспалённое место».

10. Наговор от червей

«В ране черви.

В этой ране не больше 20 червей.

19, 18, 17, 16, 15, 14, 13, 12, 11, 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1, ни одново.

Заговор произносится 3 раза

В третий раз — пусть будет ни одного».

11. От кровотечения из носа

«Плыла щука через море, уронила ключи / Спаситель шёл, ключи нашёл, море запер,

Чтоб кровь не пошла не канула.

Читается до 3х раз и прижимаются пальцами ноздри» (Иван Акимович Петухов, 1882 г. р., род. в с. Сарикей (Румыния), потом вышли в с. Хамидие (Майнос). В Россию приехал с семьёй в 1911 г. В 1925 приехали в Егорлыкскую, жили в х. Некрасовском. После 1932 г. живёт в с. Некрасовка Кизлярского р-на Дагестан. Грамотен. Зап. в 1961 г. в с. Некрасовка Кизлярского р-на Дагестан Ф. В. Тумилевич). [Кизляр — Некрасовка 1961: 34–38].

Источники и материалы

Агапкина 2010 — Агапкина Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010. 824 с.

Власкина 2011 — Власкина Т. Ю. Материнство и детство у казаков-некрасовцев // Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX — середина XX вв.). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2011. С. 105–120.

Власкина 2018 — Власкина Т. Ю. Детская болезнь в контексте религиозной этики и традиционной эмпирики // Традиционная культура. 2018. № 2. С. 86–97.

Гордлевский 1962 — Гордлевский В. А. Из османской демонологии // Избранные сочинения. Том III. История и культура. М.: Издательство Восточной литературы, 1962. С. 299–334.

Зудин 2013 — Зудин А. И. Легенды некрасовских казаков // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сборник научных статей. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 331–348.

Кизляр — Некрасовка, 1961 — Кизляр — Некрасовка. 1961 г. Июнь. / Рукопись (автор-составитель Ф. В. Тумилевич). 212 с. Хранится в ЮНЦ РАН (Ростов-на-Дону).

Левкиевская 1995 — Левкиевская Е. Е. Вампир // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общей ред. Н. И. Толстого. — Т. 1: А–Г. — М.: Международные отношения, 1995. С. 283–285.

Предания — Предания. Некрасовцы Майноса и острова Мады. Село Шевкитили, станция Натанеби Грузинской ССР. 1956 — 1959. Рукопись (автор-составитель Ф. В. Тумилевич). 154 с. Хранится в ЮНЦ РАН (Ростов-на-Дону).

Предания Т. I — Тетрадь I. Предания казаков некрасовцев с Майноса. (хутора Ново-некрасовского, Приморско-Ахтарского района Краснодарского края и селения Шевкитили Грузинской ССР) 1938 — 1958 г. Рукопись (автор-составитель Ф. В. Тумилевич). 190 с. Хранится в ЮНЦ РАН (Ростов-на-Дону).

Предания Т. II — Тетрадь II. Предания казаков-некрасовцев с Майноса. (Хутора Ново-некрасовский Приморско-Ахтарского района Краснодарского края, селения Шевкитили Грузинской ССР) 1938 — 1958. Рукопись (автор-составитель Ф. В. Тумилевич). 218 с. Хранится в ЮНЦ РАН (Ростов-на-Дону).

Полесские заговоры 2003 — Полесские заговоры (в записях 1970–1990 гг.) / Сост., подготовка текстов и коммент. Т. А. Агапкиной, Е. Е. Левкиевской, А. Л. Топоркова. М.: «Индрик», 2003. — 752 с.

Сердюкова 2005 — Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост.ун-та, 2005. 320 с.

Тумилевич 1961 — Тумилевич Ф. В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1961.

Турецко-русский словарь 1977 — Турецко-русский словарь. 48 000 слов. / авторы-соста-

вители А. Н. Баскаков, Н. П. Голубева и др. М.:
Изд-во «Русский язык», 1977. 966 с.

Фатеева. Заметки и тексты — Фатеева Д. Л.
(Шевкитили Грузинская ССР) некрасовка ду-

найской ветви. Заметки о личности информан-
та и тексты. Рукопись (автор-составитель
Ф. В. Тумилевич). 123 с. Хранится в ЮНЦ РАН
(Ростов-на-Дону).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Власкина Т. Ю. orcid.org/0000-0003-1371-7628

Старший научный сотрудник лаборатории филологии Федерального исследовательского
центра Южный научный центр РАН: Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону,
пр. Чехова, 41; тел. +7 (928) 626-61-48; e-mail: vlaskiny@mail.ru

TRADITIONAL MEDICINE OF THE NEKRASOV COSSACKS (NEKRASOVITES)

TATIANA YU. VLASKINA

(Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences:
41, Chekhov av., Rostov-on-Don, 314006, Russian Federation)

Summary. For a number of reasons, traditional medicine of Nekrasov Cossacks (Nekrasovites) remains insufficiently studied. In this research, we focus on traditional concepts of the disease, and medical practices that include both magical and empirical components. The tasks are: to describe and systematize popular medical knowledge and techniques of Nekrasovites. Knowledge about Nekrasovites beliefs about diagnostics, disease mythology, and treatment methods helps to trace cultural relations of the Nekrasovites with other ethnic and confessional communities in their neighborhood. An analysis of drugs and treatment strategies of Nekrasovites reveals background that allows innovations development and cultural borrowings usage. The result of this research can be used to compare to the ethnographic data of the polyethnic population in wide geographic boundaries, from southern Russia to Asia Minor. In the supplement the texts of medical plots are given. The article bases on data of ethno-linguistic expeditions of the ISERH SSC RAS — SFedU (RSU) and the field archive of Fyodor Tumilevich.

Key words: Nekrasovites, traditional culture, traditional medicine, incantation, healing practices, medication, cultural ties, cultural relations, archaics, innovations.

Acknowledgements. This paper is prepared within the framework of the RAS fundamental research project No. 1.52 “Ensuring the sustainable development of the South of Russia in the context of climatic, environmental and technological challenges” (SSC RAS State Assignment for 2018, project No. AAAA-A18-118011990322-1).

References

Agapkina T. A. (2010) Vostochnoslavjanskije lechebnye zagovory v sravnitel'nom osveshhenii: Sjuzhetika i obraz mira. M.: Indrik, 2010. 824 p.

Vlaskina T. Ju. (2011) Materinstvo i detstvo u kazakov-nekrasovcev // Domashnij mir na slome jepoh. Oчерki tradicionnoj kul'tury donskih kazakov (konec XIX — seredina XX vv.). Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo JuNC RAN, 2011. Pp. 105–120.

Vlaskina T. Ju. (2018) Detskaja bolezn' v kontekste religioznoj jetiki i tradicionnoj jempiriki // Tradicionnaja kul'tura. 2018. #2. Pp. 86–97.

Gordlevskij V. A. (1962) Iz osmanskoj demonologii // Izbrannye sochinenija. Tom III. Istorija i kul'tura. M.: Izdatel'stvo Vostochnoj literatury, 1962. Pp. 299–334.

Zudin A. I. (2013) Legendy nekrasovskih kazakov // Kazaki-nekrasovcy: jazyk, istorija, kul'tura: sbornik nauchnyh statej. Rostov-na-Donu: Izd-vo JuNC RAN, 2012. Pp. 331–348. (In Russ.)

Kizljар — Nekrasovka (1961) Ijun'. / Rukopis' (avtor-sostavitel' F.V. Tumilevich). 212 p. Hranitsja v JuNC RAN (Rostov-na-Donu). (In Russ.)

Levkievskaja E. E. (1995) Vampir // Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskiy slovar' v 5-ti tomah / Pod obshej red. N. I. Tolstogo. — T. 1: A–G. — M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1995. Pp. 283–285. (In Russ.)

Predanija. Nekrasovcy Majnosa i ostrova Mady. Selo Shevkitili, stancija Natanebi Gruzin-

skoj SSR. 1956 — 1959. Rukopis' (avtor-sostavitel' F. V. Tumilevich). 154 p. Hranitsja v JuNC RAN (Rostov-na-Donu). (In Russ.)

Tetrad' I. Predanija kazakov nekrasovcev s Majnosa. (hutora Novo-Nekrasovskogo, Primorsko-Ahtarskogo rajona Krasnodarskogo kraja i selenija Shevkitili Gruzinskoj SSR) 1938 — 1958. Rukopis' (avtor-sostavitel' F. V. Tumilevich). 190 p. Hranitsja v JuNC RAN (Rostov-na-Donu). (In Russ.)

Tetrad' II. Predanija kazakov-nekrasovcev s Majnosa. (Hutora Novonekrasovskij Primorsko-Ahtarskogo rajona Krasnodarskogo kraja, selenija Shevkitili Gruzinskoj SSSR) 1938—1958. Rukopis' (avtor-sostavitel' F.V. Tumilevich). 218 p. Hranitsja v JuNC RAN (Rostov-na-Donu). (In Russ.)

Polesskie zagovory (v zapisjah 1970–1990 gg.)/ Sost., podgotovka tekstov i komment. T. A. Agapkinoj, E. E. Levkievskoj, A. L. Toporkova. M.: «Indrik», 2003. — 752 p. (In Russ.)

Serdjukova O. K. (2005) Slovar' govora kazakov-nekrasovcev. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rost. un-ta, 2005. 320 p. (In Russ.)

Tumilevich F. V. (1961) Skazki i predanija kazakov-nekrasovcev. Rostov-na-Donu: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961. (In Russ.)

Turecko-russkiy slovar'. 48 000 slov. / avtorj-sostaviteli A. N. Baskakov, N. P. Golubeva i dr. M.: Izd-vo «Russkiy jazyk», 1977. 966 p. (In Russ.)

Fateeva (Shevkitili Gruzinskaja SSR) nekrasov-
ka dunajskoj vetvi. Zametki o lichnosti informanta
i teksty. Rukopis' (avtor-sostavitel' F. V. Tumilevich).

123 p. Hranitsja v JuNC RAN (Rostov-na-Donu).
(In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Vlaskina T. Yu. orcid.org/0000-0003-1371-7628

E-mail: vlaskiny@mail.ru

Tel. +7 (928) 626-61-48

Senior Researcher of Laboratory of Philology

Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences

41, Chekhov av., Rostov-on-Don, 314006, Russian Federation
